

1. Как школьница я опираюсь на примеры. Если история во мне остается жить и после того, как она была рассказана в статье или исторической книге, она перерастает в роман. «Фридли», «Путеводитель потерянных» опубликованы под рубрикой «Документальный роман». Тогда и дневник Вилли Малера из Терезина можно приобщить к данной рубрике¹.

Лет двадцать тому назад я читала его в архиве Мемориала Терезин. Та часть, которая была напечатана на машинке, вошла в 1-й том «Крепости над бездной». Все, что от руки, прочесть не смогла. А теперь смогла, Пражский издатель прислал мне ПДФ.

Это реальная ИСТОРИЯ. Потому что сохранился дневник. А если бы остались только карточка прибытия в Терезин и освенцимский номер? Благодаря дневнику, Вилли «овеществился» стал для меня героем частной истории, через которую просвечивает общая. Вот мое предисловие к дневнику:

ВИЛЛИ МАЛЕР

3.11.1909, Немецкий Брод – 21. 12. 1944, Кауферинг

ЗАМЕТКИ РЕПОРТЕРА

Молю Судьбу – сохрани эти записки.

В.М.

«Судьбу» автор пишет с большой буквы, а историю – с маленькой. Судьба сохранила, историки – прочли. Что удалось узнать об этом реальном историческом персонаже перед тем, как о нем напишут роман и снимут фильм? Вот что – и не так уж коротко.

Вилли Малер, любитель музыки, театра, искусства, любитель всех видов спорта, обожатель футбола и женщин, одним словом сказать – гедонист, имел для того исторического момента, одну существенную проблему или даже недостаток: он был евреем. И посему не мог жениться на своей невесте арийке Маженке – после марта 1939 года это считалось осквернением расы.

До этой даты Малеры: отец Артур (1870–1944) и мать Юлия, урожденная Штейн (род. 1877) – считались уважаемыми гражданами Немецкого Брода. Торговля сельскохозяйственной продукцией под маркой фирмы «Филип Малер и сын» обеспечила семье высокий уровень жизни. Согласно документам, Малеры проживали на улице Палацкого в доме № 40–41. У Вилли также были брат и сестра: Хильда (1898–1942) и

¹ Вилли Малер, Терезинский дневник 1942–1944, 2024, ТМ. (Под редакцией Томаша Федоровича.

Карел (род. 1899). Брак старшей сестры Хильды не сложился, и она осталась одна с сыном Иржи (1932–1942). Средний брат, Карел долгое время был защищен от депортации благодаря смешанному браку, он прибыл в Терезин только в феврале 1945 года транспортом АЕ2, где и дождался освобождения.

В сентябре 1915 года Вилли Малер пошел в первый класс пятилетней начальной школы для мальчиков в Немецком Броде. Классный руководитель Адольф Птачек оценил его первый учебный год как очень успешный. Позже его успеваемость характеризовалась как «хорошая». С 1920/1921 он учился в чешской реальной гимназии. Успеваемость стала средней, и со временем все ухудшалась. В апреле 1925 года Вилли забрали из гимназии с пометкой: «по воле родителей переходит на частное обучение». Поведение Вилли в гимназии можно было назвать вызывающим, о чем свидетельствуют протоколы школьных советов: «мешает проводить уроки, смеется, дерзко лжет». Последняя запись о его поведении гласила: «Малер Вилем за дерзкую ложь и сознательный обман – 6 часов карцера».

В октябре 1930 года Вилли Малер был зачислен рядовым во вспомогательный эскадрон 5-го кавалерийского полка, дислоцированного в Кошице. В личном деле было указано, что его образование включает 5 классов начальной школы и 4 класса гимназии. Судя по записям, после первой военной подготовки он оценивался как слабый наездник, но был хорош в пехоте, а в службе связи (телефон и сигнализация) – обучен на «отлично». К концу срочной службы его хвалили как прекрасного помощника в интендантской службе. Интересна и характеристика Вилли, данная военными командирами: «весел, умен, общителен и надежен».

Военную службу он завершил весной 1932 года в звании капрала (*desátník*).

Вернувшись домой, Малер встал на путь журналистики. Он писал для региональных периодических изданий и под инициалами «wm» сотрудничал с газетой *Lidové noviny*. Тематическое разнообразие и нерегулярность его публикаций не дают представления о масштабе этой его деятельности. Достоверно известно, что в *Lidové noviny* он присылал короткие заметки, в которых знакомил читателей с событиями в регионе Чешско-Моравской возвышенности.

Вилли писал обо всем, от визитов высокопоставленных лиц до курьезных случаев на местном рынке. Ироничный, наблюдательный, с вниманием к мелким человеческим деталям, именно этот «репортерский взгляд» он сохранил и в гетто, называя свой дневник «заметками репортера». Вот например, под рубрикой «Человеческие судьбы».

В комнате № 77 в С III я познакомился с девицей Марсель Банчик, француженкой из Парижа. На вопрос, как она попала в Терезин, она отвечает на немецком с мягким французским акцентом. Это длинная и интересная история. У нее был роман в Париже. После оккупации Франции немцами её возлюбленный уехал на заработки в Берлин. Чтобы быть к нему ближе, она поехала за ним и устроилась в Берлине работать по специальности – швейей. Там Гестапо установило, что она еврейка, и отправило её одним из берлинских транспортов сюда в гетто, хотя она является французской подданной. Свою судьбу она переносит мужественно и ждет встречи со своим любимым. Она маленькая, с симпатичным лицом, копна светлых волос, красивые зубы и изысканные манеры. Благодаря своему милому характеру она необычайно популярна. Если вы побудете немного в комнате, где она живет, то многократно услышите: «Марсель, Марсель». Она необычайно услужлива ко всем сожительницам. Даже здесь она достойно представляет свое французское воспитание, и мы вместе с ней ждем скорого конца войны, который я предсказываю!»

Страстью Вилли был спорт. В качестве сотрудника Атлетическо-футбольного кружка (с 1923 г.) и Атлетическо-футбольного клуба (с 1926 г.) он последовательно занимал должности ответственного за поле и инвентарь, секретаря-протоколиста, члена комитета, секретаря клуба и организатора клубных мероприятий. Его активное участие наложило отпечаток на историю футбола в Немецком Броде. В трудные 30-е годы он делал все возможное для поддержания клуба. В результате центральные футбольные инстанции приостановили деятельность Вилли Малера за «несоблюдение спортивных правил». В клуб он уже не вернулся, а события последующих лет окончательно пресекли его участие в спорте. Стоит добавить, что короткое время он также участвовал в руководстве женской секцией гандбола в Немецком Броде. Поэтому вполне объяснимо, что на страницах его терезинского дневника так много внимания уделено спортивным событиям, в первую очередь футболу.

Темы любви и спорта проходят через весь многостраничный терезинский текст (1942-1944), история Вилли послужила фабулой для спектакля “Сладкий Терезин” (2000, Прага). Сам же дневник опубликован в 2024 году². Причина такой долгой оттяжки – романтический склад Вилли, который мог бы быть воспринят неоднозначно, возможно даже, как очернение жизни узников. Думает о женщинах, прихорашивается, заказывает свой портрет у местного художника...

Согласно сохранившимся документам, Вилли Малер был не только руководителем еврейской общины Немецкого Брода, но и руководителем, курировавшим еврейские общины в Гумпольце, Хотеборже, Дольних Краловицах, Полне, Ледече-над-Сазавоу и Светле-над-Сазавоу. Этот округ был учрежден 13 декабря 1939 года.

30 января 1940 года Еврейская община в Немецком Броде сообщила, что по болезни с поста главы общины ушел Герман Сейнер (1871–1943), и Высший совет союзов еврейских общин в Чехии, Моравии и Силезии назначил Вилли Малера своим уполномоченным. Это назначение сделало его важным административным звеном в реализации антиеврейских указов оккупационной и протекторатной администрации среди еврейского населения в доверенном ему округе.

В начале августа 1941 года Вилли Малер был официально назначен главой еврейской общины в Немецком Броде с конторой на улице Горни, дом № 40 – то есть по месту его жительства. Оттуда в начале апреля 1942 года Вилли переехал в село Горни Крупа, дом № 49. Он последовал за своими родителями, которые перебрались в село несколькими днями ранее. Однако пробыли они там недолго. Через два месяца семья получила повестку на транспорт. 13 июня 1942 года, из сборного пункта еврейского населения в мужской школе на улице Овчарецкой в Колине-Залаби Вилли Малер вместе с родителями отправился в Терезин. Свое прибытие туда он описал телеграфно: «Терезин. Самое тягостное впечатление в моей жизни. Уход под штыками».

Прежняя должность окружного руководителя еврейских общин в регионе Немецкого Брода повлияла на положение Вилли в структуре гетто. На регулярных встречах бывших

² Дневник Вилли Малера опубликован на чешском языке под названием «Terezínský deník 1942–1944», 2024, *Triáda*. Книгу подготовил к печати историк Томаш Федорович совместно с мемориалом Памятник Терезин.

членов еврейских общин, проходивших под председательством еврейского Старейшины (der Judenälteste) или его заместителей, он вскоре завязал отношения с бывшими высокопоставленными представителями общин Протектората, а также самой Германии. Важное значение имели его личные связи с членами тех общин, которые до Терезина входили в регион, находившийся под его началом. Список этих друзей и знакомых Малера с их транспортными номерами приведен на первых страницах дневника³.

13 июня 1942 года В. Малер был депортирован из Колина в Терезин. Ему повезло – он остался в Терезине, тогда как многие евреи из трех колинских транспортов в наказание за убийство чешскими партизанами главы Протектората Гейдриха⁴ были по приезду отправлены на уничтожение в Польшу.

В Терезине Вилли стал старостой крыла Ганноверских казарм, где он жил, потом замначальника Почты, и в конце – снова старостой того же крыла.

Он поддерживал тесные контакты с евреями из Немецкого Брода, которые были депортированы в гетто из здания радиорынка Пражского ярмарочного комплекса. Интерес к бывшим членам общины Немецкого Брода подтверждают и записи бесед о прежней жизни, заметки об их депортации из Терезина на Восток или упоминания об участии в похоронах друзей из общины. Еще за шесть дней до собственной депортации на Восток он сделал пометку о планируемой встрече членов общин из Гумпольца и Немецкого Брода, которая должна была состояться в первый день октября.

Другим кругом лиц, с которыми он контактировал во время заключения, были соседи по комнате № 185 в Ганноверских казармах (В IV).

Дошедшее до нас письмо некоей подруги Маженки, дает представление о характере Вилли Малера и его жизни в Терезине в феврале 1943 года.

³ Это я не стала переводить.

⁴ Убийство Р. Гейдриха (операция «Антропoid»: ранен 27.5.1942, умер 4.6.1942) вызвало волну беспрецедентного террора, которая затронула и обитателей Т. В июне 1942 года транспорты «Акция Гейдрих», обозначенные как ААh — Aktion Reinhard Heydrich), – были отправлены из Т. в Польшу. Нацисты заявляли, что это месть за смерть «протектора». Убийство Гейдриха руками чехов (чешские парашютисты Ян Кубиш и Йозеф Габчик) стало для Гитлера и Гимmlера сигналом к немедленному уничтожению «врагов в тылу» внутри Протектората.

«3.2.1943. Дорогая Маженка, милая Шунтилка⁵, ты возложила на меня задачу очень важную, но и нелегкую, – пробраться в гетто Терезин⁶ и поговорить с твоим Вилли. Но смелость города берет: стремление угодить тебе привело меня к воротам гетто, уже вошедшего в историю XX века. Теперь передо мной встала задача более простая – найти через кого-то Вильку, устроить с ним свидание и раздобыть для тебя и ваших общих друзей желанную информацию обо всем, что тебя интересует. Вилька пришел на встречу в новом красивом черном зимнем пальто (пальто из местного магазина⁷ – производства знаменитой швейной фабрики Яна Хауснера в Брно), в своей старой серой шляпе, надвинутой на глаза, в новых высоких черных сапогах, купленных за 30 рейхсмарок, и в новых брюках, которые тоже раздобыл в Терезине. Под пальто он надевает армейскую куртку, которую привез из дома и которую ему подарили друзья из Кветинова; в условиях нынешней зимы куртка оказывает ему неоценимую услугу. В остальном: он похудел, но выглядит молодо и бодро. Весит 75 кг. (дома, как ты знаешь, он весил на 10 кг больше). Волосы, после той жуткой стрижки в Колине, отросли, он носит их, как и прежде гладко зачесанными назад, на висках пробивается седина». А теперь я дам слово самому Вильке:

«Для начала – кое-что о Терезине. Город расположен в Литомержицкой котловине, построен он как крепость в 1780-1784 гг., обнесен стеной и широкими валами. Для гетто такое устройство более чем подходящее, так как снаружи оно герметично закрыто, и доступ к нему возможен лишь по четырем проходящим дорогам, которые патрулируют жандармы денно и ночью.

Раньше в Терезине вместе с войсками, которых здесь было очень много, проживало около 7000 жителей. К прибытию Вилли в нем было уже 18.000 евреев. Со временем их число возросло до 50.000. Сейчас численность меньше: польские транспорты поглотили

⁵ Shuntilka (чешск.) – используется как ироничное прозвище, что-то вроде «простушка» или «маленькая плутовка».

⁶ Это не единственный случай проникновения людей с воли в лагерь. До середины ноября 1943 г. туда можно было попасть через подземный тоннель со стороны Литомержице. По рассказам Ф. Лукаша, бывшего узника Т., он регулярно встречался там со своей женой. В середине ноября 1943 г. тоннель был перекрыт в связи с обнаружением факта побегов из гетто. Вместе с тем чех Иржи Жонтовский, подкупив жандарма, мог навещать свою подругу в Т. до осени 1944 г.

⁷ Магазин в гетто с «товарами», оставшимися после умерших или отправленных на восток.

около 8.000 человек. В основном город старый, современных зданий мало. Улицы ровные и гладкие. Большая площадь с красивой ратушей и костелом.

Как и где живут: Город после ухода всех арийцев⁸ разделен на жилые блоки и, вместе с обширными зданиями казарм образует почти правильные квадраты. Улицы названы двумя буквами – Q – поперечная, L – продольная. Все здания казарм пронумерованы. Штаб и руководство сидят в Магдебургских казармах (B V); женщины живут в двух казармах, Гамбургских (C III) и Дрезденских (H V), мужчины – в Судетских (E I) и Ганноверских (B IV), где живет Вилька. Станция санобработки (отвшивления) находится в Егерских казармах, а прибывающие транспорты принимают в Устецких казармах.

Блоки домов имеют общие проходные; еще здесь есть дома для детей и подростков, здания, в которых размещены производственные и строительные учреждения. В доме B V – центральные еврейские учреждения. Больше всего народу в C III и E I; в B IV (где живет Вилька) – около 2300 человек. В тот период, когда народ расселяли на чердаках, было на 1.000 человек больше. – Еще здесь есть огромная больница, которая составляет одно целое с домом престарелых (Кавалерские казармы). Наконец, здесь есть и разные другие больничные отделения (инфекционное и пр.), под них город отвел большие здания. Недавно вступили в действие Женинские (Инженерные) казармы, которые стали связующим звеном между больницей и домом престарелых. В тот период, когда в Терезине было 50.000 душ, заселены были практически все дома, казармы и чердаки. Ни в сказке сказать, ни пером описать, что это было за жилье, и как такая теснота повлияла на состояние здоровья.

Бытовые условия: почти везде теперь стоят кровати, причем деревянные. Ординарные, двух- и трехъярусные. В них соломенные матрацы, спится вполне удобно и хорошо. Хуже дела обстоят с местом. Очень тесно, нет места ни для людей, ни для вещей.

Вилька разговорился о своем жилье в комнате с тридцатью людьми, в основном, из его транспорта, – с теми, кому удалось избежать отправки в Польшу. Его место – на нижнем ярусе у окна, и он так здесь обвыкся, что, несмотря на то что у него были реальные возможности перебраться в комнату на две-три кровати, он остался на месте. Там царит товарищеский дух, и есть одно преимущество: до сих пор не пропало ни одной булавки. Со

⁸ Местные жители оставили Терезин к концу мая 1942 года.

временем он раздобыл два прекрасных матраца, подушку; спальные принадлежности, привезенные из дому, здесь очень пригодились»»⁹.

Пользуясь оказией, Вилли отправляет письмо Маженке¹⁰.

«Марии М., Немецкий Брод, Горни 41.

Дорогая Шунтилка,

прежде всего посылаю тебе из моего изгнания сердечные приветы и воспоминания. Подтверждаю получение твоей посылки, отправленной 12-го числа этого месяца. За всё благодарю, особенно порадовали колбаса, повидло и маргарин. Суповых кубиков у меня избыток, пока больше не присылай. Не хватает сахара, пряников, леденцов, чернослива, горчицы, яблок, апельсинов и булок. Много прошу, но уверен, что ты всё раздобудешь в меру возможностей и пришьлешь. Согласно объявлению министерства транспорта, теперь сюда можно посылать посылки официально, причем большего веса. Попробуй отправить одну пятиэтажную (пятикилограммовую) посылку. (Прошу еще сала, мармелада, искусственного меда и салями).

Далее прошу черный крем для обуви и парочку зубных паст. Что было на этой неделе нового? Много, что тебя очень заинтересует. Прежде всего, мама заболела так называемой «терезинкой». Это эпидемическая диарея, сопровождающаяся высокой температурой. Сегодня ей уже лучше, она не лежит, но сильно спала с лица за четыре дня болезни, которую приходится лечить почти полной диетой. Если хочешь сделать ей радость, пошли ей одну посылочку со сладким содержимым на её адрес: Юлия Малерова, AAd 693, C III.

Во-вторых, здесь упала цена на сигареты, которые стали официальной валютой подпольной торговли в гетто. Когда мы сюда приехали восемь с половиной месяцев назад, одна сигарета стоила 15 крон. Потом цены постепенно выросли до 30 крон за штуку. Сейчас здесь огромное предложение сигарет, и их цена упала до 10 крон. Зачем я тебе это расписываю? Потому что сигаретами здесь платят, за них можно достать почти всё. Поменять на хлеб, маргарин, сахар и т.д. Эта официальная сигаретная стоимость стала курсовой ценой всего товара, торгуемого на местной бирже; такие вот курьезы гетто и жизни, наши странности, которые вас там могут удивлять.

⁹ ПТ А5698.

¹⁰ Památník Terezín, A 5698, Willy Mahler, ilegální korespondence.

В-третьих, на этой неделе я сменил профессию. В гетто уже давно говорили о том, что почта работает беспорядочно: старые посылки залеживаются, а новые выдаются. Так скапливаются тысячи необработанных посылок. Внезапно местная полиция обнаружила некие злоупотребления на почте. Гетто взбурчалось. Я навестил инженера Эльберта¹¹ и предложил ему свою помощь в организации. Мой визит состоялся в день, когда инженер Эльберт был назначен руководителем почты. От слов мы быстро перешли к делу. В воскресенье 14-го числа у нас была конференция, и уже в понедельник в полдень мне было предложено заняться организацией нового почтового подразделения, которое Эльберт ввел в действие точно по моему проекту. Выяснилось, что здесь лежит около тридцати тысяч невыданных посылок.

И вот во вторник утром я заступил на службу в Центральное почтовое отделение «Z» в качестве замначальника (Leiter-Stellvertreter)¹². Наша деятельность радует. За четыре дня мы переоборудовали один большой зал Подмокульских казарм в посылочный завод курьезной почты – посылки выдающую, но не принимающую. Ежедневно мы обрабатываем там около трех тысяч посылок. Теперь гетто живет под знаком посылок. Нас на почте «Z» работает около тридцати пяти человек. Как великолепный и быстрый организатор Эльберт отлично проявил себя. К сожалению, моей прежней легкой и удобной жизни «группенфюрера» [старшего группы] пришел конец. Приходится рано вставать и работать до поздней ночи. Меня это необычайно увлекает, я рад заниматься тем, что приносит благо и пользу тысячам людей, ведь посылки в таком количестве, как здесь, означают для всех нас важнейшую экономическую проблему.

Прошу тебя, посылай предназначенные нам посылки быстрее, одну за другой, и хорошо упаковывай их в коробки. Продублируй адрес на случай, если верхняя упаковка порвется. На дне упаковки можешь всегда пометать, какая это по счету посылка. То, что я попал в настоящий рабочий темп, тебя наверняка порадует. Если меня что-то лично и радует в этом повышении, то это доверие, которым был удостоен. Можешь быть уверена, что я буду вести вверенное дело с величайшим тщанием. Само собой разумеется, что с посещениями кафе, концертов и кабаре у меня покончено».

¹¹ Эрвин Эльберт род. 8.1.1903 депорт. из Праги 4.12.41 в составе 20 начальников, депорт. в Освенцим 23.10.1944. Последняя цифра – дата депорт. в Освенцим. Если после нее ничего не следует, значит, человек погиб.

¹² Через какое-то время Вилли вернется на свой бывший пост старосты крыла Ганноверских казарм.

С посещениями кафе, концертов и кабаре вовсе покончено не было. Да и кто пишет такие письма невесте? Ничего о любви, одна гастрономия.

В дневнике же он пишет о Маженке с чувством.

Их отношения начались в 1937 году на одном из балов в Глинско. Из дневниковых записей следует, что они вели насыщенную общественную и культурную жизнь, часто посещая балы и спектакли. Мы также знаем, что Мария была швеей и до войны работала у Малеров. Их отношения, прерванные депортацией в гетто Терезин, были для Вилли образцом связи между мужчиной и женщиной.

Тем не менее, в терезинском гетто он завязал множество серьезных и не серьезных романов. Все терезинские знакомства Малер в дневнике примерял на отношения с Марией, чьи достоинства для его партнерш были «недостигаемыми». В ряде записей заметна его внутренняя борьба с верностью «Маженке». Первая запись о ней появилась лишь спустя месяц пребывания в гетто: «Величайшее разочарование, Маня ничего не присылает, ни письма, ни посылки. – Она, видимо, полагает, что я в Польше, я ужасно подавлен». Молчание его невесты и горечь, вызванная отсутствием интереса к его личной жизни, пронизывают весь дневник.

Хотя частота упоминаний о Маженке в дневнике постепенно снижается, он до самого конца своего заключения не отвергал её. Охлаждение отношений он приписывал не себе, а Марии, её недостаточному вниманию. Причиной могло быть и то, что Вилли открыто информировал её о своих терезинских знакомствах (которые она «одобрила»).

Среди множества записей, касающихся невесты Вилли, не вполне ясна запись от августа 1943 года, где Малер пишет о планируемой свадьбе Маженки в октябре 1943 года: «Брат Карел сообщил мне в своем последнем письме от 27-го числа прошлого месяца, что моя невеста хочет сыграть свадьбу в октябре этого года. Что ж, я очень жду этого, и со мной все друзья, пусть будет свадьба». Год спустя он снова пишет неопределенно: «[...] сообщение о свадьбе Маженки наполнило меня неуверенностью и новым беспокойством. Чем такие новости, лучше вообще никаких».

Записи в дневнике - обзоры обстоятельного репортера. Вилли рассказывает о культурной жизни Терезина (рецензии на спектакли, концерты, лекции, спортивные мероприятия и пр.); о внутрилагерных событиях (транспорты, дезинфекции, перемещение из комнаты в комнату и из казармы в казарму, лагерная мода и т.п., и о военно-политической ситуации

(парашютный десант высадился там-то, граница рейха перейдена там-то, освобожден Минск). Вилли располагает точной информацией о ходе военных событий¹³. Есть и

¹³ О том, что происходит на воле, знала подпольная организация Терезине. В конце 1942 г. в одном из помещений пекарни был установлен радиоприемник и члены организации, знающие английский, могли слушать Би-Би-Си. Так, в октябре 1942 г. они получили сообщение, опубликованное в “Манчестер Гардиан” и “Таймс” о массовом уничтожении евреев газом, но, когда об этом узнал Я. Эдельштейн, он сказал, что это “гнусная британская пропаганда”. (См. Бонди, с. 303). Нам удалось получить информацию от самого изготовителя приемника, Франка Вайса: “У Праги была очень мощная радиостанция, и я решил, что сумею сделать примитивный приемник и, так как Терезин недалеко от Праги, мы сможем слушать хотя бы официальные немецкие новости и вычитывать правду “между строк”. <...> Я принялся воплощать идею в жизнь. В моем распоряжении была небольшая мастерская – будка, построенная в бывшем рву крепости. Здесь мы чинили и перестраивали печи для различных производственных помещений гетто и ремонтировали всяческое оборудование. К тому же у меня был доступ к складу, где хранились остатки медицинского оборудования, вывезенные из ликвидированных еврейских лечебниц в Праге. Мне повезло. Я нашел пару наушников и несколько маленьких трансформаторов, их провода могли мне пригодиться. К сожалению, наушники обладали низким сопротивлением, и мне пришлось вручную примотать их к вращающейся катушке тонкими волосками проволоки, смотанной с трансформаторов. Это было тяжело, и процесс занял у меня две недели. Я знал частоту пражского радиопередатчика и помнил формулу подсчета обмотки катушки. С помощью куска пирита, найденного в куче угля, был сделан приемник... Я понимал, что слушать передачи без высокой антенны невозможно (ведь у приемника не было усилителя), но, естественно, опасно было устанавливать эту антенну в заметном месте. Однажды по дороге в мастерскую, я заметил, что провод, подающий электричество в мастерскую, висит на металлической проволоке между двумя противоположными стенами крепости. При ближайшем рассмотрении я обнаружил, что император Иосиф II построил эту огромную крепость из высококачественного кирпича, который являлся отличным изоляционным материалом. Глубокой ночью я пробрался на чердак и принялся орудовать примитивным приемником. Мне удалось поймать Прагу, с частым затуханием. Я был удивлен тем, что передача из Праги шла по-английски. Возможно, немцы намеревались убедить англичан в “мирных намерениях” Адольфа Гитлера. Когда же они в конце передачи заиграли «Янки Дудл», я понял, что ошибся в вычислениях, и вместо Праги настроил радио на частоту передатчика “Свободной Европы” из Лондона. Я не мог поверить, что можно было принимать Лондон при помощи этого примитивного приспособления.

Теперь мы ежедневно узнавали то, что происходит во внешнем мире. Каждую ночь я прятался и слушал разные репортажи на английском, французском, немецком или чешском и довольно точно пересказывал новости только тем людям, которым мог доверять. Они, в свою очередь, разносили новости по Терезину, не говоря, откуда они их знают.

Моя служба новостей работала исправно, и источник оставался анонимным. Меня часто останавливали днем, и спрашивали: “Франц, слышал ли ты новость о том-то...” И я выслушивал свои собственные ночные сообщения слово в слово. Я старательно демонстрировал удивление, – если бы моя деятельность выплыла на поверхность, меня бы убили. Новости о бомбежке и разрушениях немецких городов слегка смягчали наши страдания в лагере.

Мой приемник стал работать лучше после того, как я обнаружил синтетический кристалл в маленьком мешочке с сахаром, присланном мне другом-неевреем из Праги, согласно описанию, которое я отправил ему в нелегальном письме...

Первой важной передачей, которую я поймал, было сообщение о бомбежке русскими ВВС Оберхаузена, центра по производству шарикоподшипников. Я сообщил о высадке союзных войск в Сицилии, но никто не хотел верить в то, что Муссолини арестован. Мы критиковали союзников за то, что они застряли на горе Касино и долгое время не продолжали наступление. Я часто слышал новости о важных событиях и очень удивлялся тому, что о судьбе евреев не говорилось ни слова. Казалось, что слова “еврей” не существует... Однако у меня замерло сердце, когда 18 июня 1944 г. в английских новостях сообщили, что пять тысяч евреев было уничтожено в газовых камерах Освенцима (Аушвица), в день рождения покойного чешского президента Томаша Масарика. Теперь мы знали, куда уходили транспорты из Терезина, и что нас ждет. Немногие верили мне, когда я рассказывал им эту историю. Многие отказывались даже слушать. Некоторые настаивали, что это пропаганда союзников. Человеческий разум, похоже, настроен на то, чтобы игнорировать свою судьбу, когда она становится неизбежной. Мои страдания были похожи на страдания Кассандры в “Троянской войне”

философские размышления, в основном, они касаются времени и безвременья, отсутствия настоящего. «24.10.43. Такова уж здесь жизнь. Настоящее – ничто, только прошлое, а затем – страстно ожидаемое наше счастливое будущее». «10.5.44. Здесь, однако, необходимо жить, чтобы прогрызть себе путь сквозь сегодняшний день, злой и тягостный, к лучшему, более доброму и радостному завтра».

Его личная ситуация коренным образом меняется с прибытием в Терезин 28-летней Труды Хирш¹⁴. Она из Берлина, не знает ни слова по-чешски, все ей здесь непонятно. Вилли принимает в девушке серьезное участие, и, со стремительностью, свойственной всему, что происходит в Терезине, дружба перерастает в интимную связь. При этом Вилли беспрестанно думает о Маженке: “Сегодня Труда спала у меня... Она, спящая, была так красива, и мое маниакальное воображение нарисовало на ее месте Маженку”.

С лета 1943 года лагерь, запреты, указы, лишения, голод – все становится фоном для общечеловеческой драмы – любви Вилли к двум женщинам.

Благодаря должности, у Вилли были прямые контакты с еврейским руководством, он не сильно голодал, хотя и писал о еде много, имел личный пропуск, позволяющий выходить из казармы после восьми часов вечера, у него были приличные бытовые условия, так что с лета 1944 года в построенной в В IV мансарде он мог оставлять у себя Труду на ночь, а также возможность получать билеты на концерты, спектакли, лекции.

О высоком социальном статусе Малера свидетельствует также частота его визитов в терезинское кафе и бани. Он упоминал о них в почтовых карточках, адресованных брату Карлу и друзьям. Для обеих этих активностей заключенному требовалось не только время, но и, прежде всего, связи. Впервые Малер посетил кафе уже 12 декабря 1942 года – всего через четыре дня после его открытия, и до конца того года побывал там еще четырежды. В 1943 году он посетил кафе в общей сложности 29 раз, а в 1944-м – как минимум 14 раз.

Гомера. Я предвидел катастрофу, но надо мной все смеялись. Однако не было Гомера, который мог бы описать мои чувства. С тех пор я не хотел более взбираться по лестнице к приемнику и проклинал себя за то, что изучал электротехнику. Даже высадка союзников в Нормандии 6.6.1944 не смогла помочь нашей ситуации. А в октябре 1944 г. я был отправлен в Освенцим” (Франк Вайс, 1909–2000. «Высокая антенна в Терезине». Из писем к Е.М. и С.М., 1998–1999 гг.)

¹⁴ Труда, Гертруд Хирш, род. 29.8.1915, депорт. из Берлина в Т. 29.6.1943, депорт. в Освенцим 1.10.1944, осв. в Гросс-Розен.

Посещение бани, жизненно важное для узников Терезина (особенно осенью 1942 года), было для Малера еженедельным, в отличие от большинства других заключенных.

Об «элитарном» образе жизни Вилли Малера красноречиво говорит явное отсутствие в записях понятия «голод», чем его дневник разительно отличается от подавляющего большинства свидетельств и воспоминаний других узников. Нехватка еды, конечно, ощущалась, но она не была изнуряющей, скорее эпизодической, так как довольно быстро утолялась продуктами из разных источников. В одной из записей он констатирует, что больше не может видеть ячменную крупу, которая входила в ежедневное меню, даже если голоден. Запасы из полученных посылок и совместное хозяйство с терезинскими подругами компенсировали Малеру недостаток рациона. Большим подспорьем были также надбавки за сверхурочную работу.

Записи Вилли Малера о питании и общей ситуации со снабжением в гетто следует воспринимать исключительно как свидетельство человека, принадлежащего к высшему социальному слою лагерного сообщества. Его описания резко контрастируют с положением большинства узников, не имевших дополнительных источников и полностью зависевших от крайне скудных пайков.

«Мама сегодня приготовила на обед картофельные кнедлики. Они были великолепны, посыпаны обжаренным луком и настоящим салом. Потом мы ели вчерашнее мясо и картофельный салат, который приготовила Труда, так что весь сегодняшний обед – гуляш и картофель – мы смогли оставить на ужин. На обед вместо супа был черный кофе, так как в кухнях нет супового концентрата».

Однако даже эти дополнительные ресурсы не уберегли Вилли от авитаминоза, о котором он пишет в апреле 1944 года. Динамику условий жизни автора дневника можно проследить по записям о его весе. О тяжелом начале в гетто свидетельствует потеря 10 кг веса за полтора месяца. Этот вес сохранялся на протяжении критических месяцев осени 1942-го и зимы 1943-го. В итоге с конца 1943 года и до депортации в 1944-м его вес колебался около 65 кг, с пометкой летом 1944 года: «[...] благодаря пришедшей посылке и улучшению местного рациона мое и мамино физическое состояние и здоровье поправились. Весим на один килограмм больше, чем в прошлом месяце».

Иногда его снаряжали в “экспедицию” за территорию¹⁵, где он наслаждался свободой, “свежайшим воздухом” и лицемерием “пассажирских, скорых и товарных поездов в непосредственной близости”. При этом его не посещала мысль о побеге. Вилли знал: накажут весь лагерь, накажут родителей¹⁶. Да и вообще, зачем ему свобода, он и так счастлив: “В жизни своей не мог я предположить, что буду столь любим... Мое счастье похоже на счастливый сон, приснившийся среди страданий и нужды, в кошмаре жизни”. Он мечтает после войны свести Труду и Маженку, сделать их “союзницами”, жалуется Труде на упорное молчание Маженки, и та утешает Вилли, мол, все выяснится при личной встрече.

Вилли до последнего не сомневается в том, что выживет. В нем каким-то образом уживаются два параллельных сознания, то, что Анна Фрейд называла расщеплением Эго.

Он администратор, он оперирует цифрами, он знает слово «Биркенау», он разносит повестки на транспорт, видит эшелоны и «международный парк вагонов». Его разум фиксирует факты: люди уходят тысячами, и никто не возвращается, не подает голос.

5 июля 1944. Вилли записывает: «Сегодня прибыла разрешенная почта. Тысячи и тысячи открыток и писем со всех концов света. Разрешена и почта из Протектората. Мы получили новости из разных мест в Польше». Он не спрашивает получателей писем из Польши, что там происходит. Ни слова. Инстинкт самосохранения воздвигает непробиваемую стену. Он называет отход транспорта «путешествием в неизвестность» не потому, что не знает о смерти, а потому, что отказывается знать. «Неизвестность» – спасительная лазейка. Пока место назначения «неизвестно», там теоретически возможна жизнь.

Малер черпает уверенность в своем статусе. Он «заместитель руководителя почты».

Он «нужен» инженеру Эльберту. Он «прецизионно» составляет списки.

¹⁵ Староста здания Гауптштрассе 1. 7.10.1943. Г-ну Малеру Вилли, Гауптштр. 1/185. 10 числа сего месяца в 6.15 Вам надлежит явиться на работу во двор В IV, в составе бригады служащих. Речь идет о работе в бригадном подряде для проведения планировки (местности), в том числе и вне гетто, посему необходимо иметь при себе удостоверение с фотокарточкой, а также непременно – пиджак и пальто либо куртку-ветровку, и никаких геттовских денег. Староста здания (подпись) – Яновиц. Док. № А 5693 ПТ.

¹⁶ Юлия Малерова, род. 15.3.1877, депорт. из Колина в Т. 13.6.1942, осв. в Т., Артур Малер (1870–1944), умер в Т.

В его логике (и это трагическая ошибка многих функционеров самоуправления) порядок и полезность – это охранная грамота. Он верит, что пока он безусловно обслуживает механизм лагеря, он защищен от его уничтожающей силы.

Он доволен тем, как «сенсационно быстро и спокойно» Рам¹⁷ проводит погрузку, и тем невольно встает на сторону организатора, а не жертвы. Психологически он находится над толпой в шлюзе¹⁸. Это дает ему ложное чувство контроля над собственной судьбой. Он часть «аппарата», ручка мясорубки.

Его вера в выживание питается «простой философией»: «Тот, кто должен выжить – выживет везде». Он верит в Маженку, которая ждет его в Немецком Броде, в прядь волос Шуры, которую не смог удержать в Терезине, хотя пытался и даже был готов жениться на ней и тем выудить из транспорта, - не вышло, но прядь ее волос он носит как оберег.

Для Малера выживание – не вопрос статистики (которую он сам же и ведет!)¹⁹, а вопрос его личного договора с провидением. Он поразительный пример того, как человек может одновременно обладать всей полнотой информации и быть абсолютно слепым.

Терезин – правовое государство для бесправных – открывает шлюзы для осенней волны депортаций.

Вилли, староста группы (Gruppenältester) в Ганноверских казармах, сдает свое дежурство: «После беспокойной ночи Труда идет в Глиммер (цех по обработке слюды), а я – в канцелярию. Здесь уже собрались многочисленные старосты домов (Hausältester), назначенные руководством для принятия наших дел. Староста Бруно Фюрт из L 306 принимает мой блок».

Вихрь транспортов поглотил большинство старост домов.

¹⁷ Карл Рам, штурмбаннфюрер СС. С февраля 1944 года до его освобождения в мае 1945 года был комендантом Терезина. Руководил «благоустройством» лагеря перед визитом Красного Креста и курировал съемки пропагандистского фильма. Лично участвовал в отправке узников в газовые камеры. После войны бежал в Австрию, но был пойман, экстрадирован в Чехословакию и приговорен судом в Литомержице к смертной казни. Повешен 30 апреля 1947 г.

¹⁸ Помещение, где обыскивали заключенных, прибывших в Терезин и отбывающих на Восток.

¹⁹ В переводе опущены таблицы со статистическими данными, которые заполнял Вилли.

«На горизонте маячит завтрашний транспорт, – пишет в своем дневнике в то время тринадцатилетний Павел Вайнер²⁰. - Такого размаха здесь еще не было. Так и есть. Все из администрации и внутреннего управления (Innereverwaltung) идут регистрироваться и практически все уедут. Мне их нисколько не жаль, так как они не пробовали на своей шкуре, что такое транспорт. Поедут все – и старосты домов (Hausältesteři), и старосты зданий (Gebäudeältesteři) и т.д.»²¹

По настоянию Труды и матери Вилли в последний раз испытывает Судьбу, он подает прошение²²:

“От Вилли Малера

Старосты группы В IV/Чердак А.

Терезин, 25.9.1944

В Еврейский Совет старейшин

Поскольку я, под номером 3017, включен в рабочий транспорт, я нижеяше прошу исключить меня из списка, ввиду следующих причин:

1/ Ранее я был заместителем заведующего посылочной почты при ее реорганизации в склад, причем в данной должности я сослужил обществу большую службу.

2/ Я был руководителем группы еврейской окружной общины Немецкого Брода.

3/ 27 месяцев я был старостой группы в Ганноверских казармах к полнейшему удовлетворению моих подопечных.

4/ Мой отец умер здесь 5 апреля 1944 г. Моя мать, 67-ми лет, живет здесь и отчаянно нуждается в моей поддержке, поскольку у нее здесь нет никаких родственников и она не очень здорова.

²⁰ Pavel Weiner. A Boy In Terezín: The Private Diary of Pavel Weiner, April 1944–April 1945.

²¹ Památník Terezín, 2019. Starší domu (der Hausälteste) – nepostradatelný administrativní pilř terezínského ghetta Tomáš Fedorovič.

²² В 1942-43 гг. Малер мог ходатайствовать об исключениях из транспортов перед членами Совета Старейшин: «Собирается польский транспорт Ст, Марта в нем, благодаря моему вмешательству она возвращается в гетто». Вилли Малер, 27.1.1943.

Прошу благоприятного решения по моей просьбе и остаюсь заранее благодарен,
(Подпись) Вилли Малер”²³.

В просьбе было отказано. Не судьба.

Однако Вилли верит в нее, недаром он пишет это слово с заглавной буквы: “Думаю, что мой уход из Терезина назначен Судьбой для расставания с Трудой”. (27.9.1944)

29 сентября в три часа утра поезд уходит из Терезина. А 1 октября Труда, вместе со многими женщинами, едет вдогонку за своим возлюбленным в “новый рабочий лагерь”.

Поезд прибыл в Освенцим, Труде удалось пройти селекцию. Вилли тогда еще был жив, и, возможно, им удалось свидеться, хотя шансы были мизерные – женский и мужской лагерь в Биркенау были изолированы друг от друга. В октябре 1944 года газовые камеры Биркенау работали на полную мощность, транспорты прибывали днем и ночью, охрана лагеря свирепствовала – это был последний “жаркий” месяц Освенцима; в ноябре 1944 года работа газовых камер была остановлена по приказу Гимmlера. Оставшихся заключенных распределяли на работы в трудовые лагеря как на территории рейха, так и в окрестностях Биркенау.

Назначение сроков конца войны происходит чуть ли не каждые пару месяцев, и всякий раз Вилли находит им фактическое подтверждение. Летопись имен, транспортов и численности еврейского населения гетто, прерывается «Песней бродяги»²⁴:

«Иду незнамо куда, иду по этому свету,

Не знаю, где и остановлюсь.

²³ Док. № А 5695 ПТ.

²⁴ Проф. Карел Бабанек (1872–1937), поэт, писатель, драматург. Подстрочный перевод.

Я – словно лист, что сорван

Осенним ветром гонимый вдаль.

Иду незнамо куда, совсем один,

но не спрашиваю ни о чем, не плачу.

Иду по свету – вольный бродяга, король,

за своей мечтою буду идти и дальше.

За своею мечтою так – день за днём,

пока не убаюкает меня вечный сон».

Вилли умер в Кауферинге 21. 12. 1944 года в результате крайнего истощения.

Дневник сохранила его мать Юлия.

Труда была освобождена в Освенциме.

2. Роман Шарля Левински «Геррон».

3. Пока не было, но происходящий ныне коллапс навевает тяжелые думы.